
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.В. ГЛУХОВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ (К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ)

Аннотация. Статья посвящена обоснованию и исследованию основного политического конфликта XXI в. с использованием приема «доминантного размежевания», разработанного К. Марксом. Автор статьи применяет этот методологический прием к анализу современных европейских обществ, находящихся в процессе глобализации и сталкивающихся с порождаемыми ею противоречиями. Базовые конфликтные линии (фундаментализм / космополитическая толерантность) были выявлены европейскими и американскими интеллектуалами (Р. Дарендорфом, Э. Гидденсом, С. Хантингтоном) еще в конце XX в. Сегодня западные исследователи (В. Меркель, М. Цюрн) фиксируют новый кливаж, условно обозначаемый как противоречие между «космополитами» и «коммунистами». Это противостояние раскалывает современные демократии по нескольким линиям: отношению к границам, к международным структурам, к правилам свободной торговли, к правам человека, к изменению климата. Подчеркивается, что отношения между населением и космополитическими элитами также отмечены острым конфликтом, в основании которого лежит не только экономическое измерение (проигравшие / выигравшие от глобализации), но также измерение культурное и моральное. Острота конфликта обусловлена именно совмещением, наложением нескольких линий размежеваний (экономической, политической, культурной и моральной). Бенефициарами создавшейся ситуации оказываются преимущественно популистские партии правого и левого толка, демонстрирующие электоральные успехи в ряде европейских стран. От этаблированных партий, особенно левого фланга политического спектра (социалистов, социал-

---

* Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), e-mail: avglukhova@mail.ru

демократов), требуется серьезное переосмысление своей стратегии и тактики с целью вернуть разочарованных в их позиции избирателей. Преодоление конфликта без серьезного реформирования европейской политики на национальном и субрегиональном уровне представляется проблематичным.

Ключевые слова: глобализация; политический конфликт; кливаж; доминантное размежевание; популизм; повестка дня; политическая конфликтология.

Для цитирования: Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 13–33. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>

Конфликт как научный концепт долгое время был обделен вниманием в рамках социальной теории. Как отмечает К. фон Байме, главенствующую роль в объяснении природы общества долгое время играли интеграционные и консенсусные модели, полые формы которых заполнялись сословно-иерархическими категориями. Конфликт в рамках такой модели рассматривался преимущественно как системный изъян. Страх перед общественными расколами был настолько силен, что «в сомнительных случаях тирания казалась более приемлемой, чем партийный конфликт» [Beume, 1992, S. 193]. Понимание важной роли партийного плюрализма пришло только с началом Нового времени, одним из первых, кто поднял эту тему, был Н. Макиавелли. Однако история дискриминации партий как субъектов политических конфликтов простиралась вплоть до XX столетия [Beume, 1992, S. 193].

История становления конфликтологического знания отчетливо демонстрирует тесную взаимосвязь между происходившими общественными процессами и их осмыслением в рамках той или иной научной парадигмы. Бурные, кризисные этапы в общественном развитии, как правило, выдвигали феномен конфликта в центр научного интереса. Возникшая в середине XIX в. марксистская модель классового конфликта была отражением тех общественных противоречий, которые возникли в Европе на волне промышленной революции. Сложившиеся в социальной структуре европейских обществ новые классовые деления стимулировали политическую мысль к разработке иного образа будущего, свободного как от эксплуатации, так и от отчуждения, разрывавшего ткань общественной солидарности. Выход в новое социальное пространство виделся через революционный разрыв с прошлым. Несмотря на сдержанное отношение к теории К. Маркса на Западе, его диагно-

стика основного конфликта XIX в. (как *доминантного размежевания*) признается ценным методологическим приемом в анализе политических конфликтов. Несмотря на различия в изначальных методологических подходах, принцип доминантного размежевания применительно к новым условиям середины XX в. развил Р. Дарендорф, вернув понятию «класс», сведенному М. Вебером к элементу социальной стратификации, его изначальный смысл аналитической категории, характеризующей принудительный характер общественной интеграции [Дарендорф, 2002, с. 427].

Социальные потрясения «третьей волны демократизации» в последней трети XX в. переадресовали внимание ученых на условия сохранения управляемости системы в ходе политической трансформации. В центре внимания оказались вопросы институционализации политических конфликтов, выработки правил политической игры и консолидации общества на новой, демократической основе [Дарендорф, 1994; Merkel, 2010].

В целом же конфликтологическая парадигма мировосприятия исходила и исходит из того, что конфликт является нормальным, естественным феноменом общественной жизни и принципиально не поддается устранению. Более того, политики без конфликта не бывает: последней имманентно свойственна нестабильность, определяемая непрочностью социальных отношений, проблематичностью всякого социального устройства, возможностью продвигать новые вопросы в политическую повестку дня, оспаривать статус-кво и т.д. [Глухова, 2010].

Провозглашенный Ф. Фукуямой «конец истории» на самом деле стал началом новой конфронтационной эры, по спектру своих угроз политической безопасности и рисков не уступающей временам холодной войны. Как и предыдущие периоды обострения внутри- и межгосударственных отношений, новая всемирно-политическая трансформационная фаза принесла с собой новые возможности и новые вызовы. Стало очевидным, что благополучие и стабильность государств в гораздо большей степени будут зависеть от экономических факторов, нежели от арифметики классических военно-стратегических величин политики безопасности¹.

---

¹ *Wandinger Thomas M.* Ursachen von Konflikten und Kriegen im 21. Jahrhundert // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2001. – Mode of access: <https://www.bpb.de/apuz/26277/ursachen-von-konflikten-und-kriegen-im-21-jahrhundert> (accessed: 02.05.2020)

В то время как индустриальные государства выигрывали от глобализации, большое число стран третьего мира ежегодно несло экономические и политические потери. Становился отчетливым устойчивый тренд растущей дифференциации в доходах богатых и бедных.

Оценки нынешней ситуации также исполнены тревоги. По мнению Г. Киссинджера, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка» [Киссинджер, 2017, с. 10]. Человечеству угрожает и хаос, и беспрецедентная взаимозависимость, а стремительное внедрение новых технологий грозит усугубить и обострить привычные конфликты. Разные части света как никогда прежде объединены новыми способами обработки и передачи информации, однако полноценное ее осмысление отстает от темпов и объемов. От государственных деятелей требуется моментальная реакция, возникающая не всегда. «Неужели мы вступаем в новый период, когда будущее станут определять силы, не признающие ни ограничений, ни какого-либо порядка вообще?» [Киссинджер, 2017, с. 10]. Три десятилетия спустя после окончания холодной войны человечество вступило в новую фазу конфронтации и гонки вооружений «в условиях глубоко изменившегося миропорядка, революционных прорывов в области военных технологий и с новым поколением политических лидеров и элит, пораженных недугом национализма, милитаризма и исторического невежества, – констатирует А. Арбатов. – Их разум затуманен ажиотажем по поводу экзотических вооружений, желанием рассчитаться за прошлые обиды или набрать очки в грядущей “большой игре” на грани войны» [Арбатов, 2019, с. 28]. Резко возрос спрос на политиков, обладающих волей и мужеством, но сегодня такие качества редки.

Глобализация как новая повестка истории

Парадигмальную объяснительную рамку в анализе современных политических конфликтов задает концепт *глобализации*, отражающий новое качество общественных отношений, взаимосвязанных и взаимозависимых. По словам Р. Дарендорфа, «на обозримое будущее феномен глобализации станет определять повест-

ку истории» [Dahrendorf, 2004, S. 236]. 1989 год стал не только символом разрушения железного занавеса в Европе, но и освободил пространство для действия тех экономических, политических, общественных сил, которые почти одним ударом завоевали весь мир. Важно оценить проблематичность последствий действия этих сил для понимания вероятных конфликтов будущего.

Глобализация стала господствующей темой в тот исторический момент, когда прежние понятия (первый и второй мир, соперничество двух систем, третий мир и т.д.) потеряли свою силу. Из-за глобальных трендов создаются заново и одновременно ослабевают национальные государства. Даже такие могущественные страны, как США, в одиночку не могут регулировать финансовые рынки, бороться с изменением климата и т.д. Сменившие прежнюю биполярную модель региональные блоки в Азии, Европе и Америке представляют собой, прежде всего, экономические союзы. Но в свете глобальных трендов очевидно, что они создаются для защиты своих членов от всех остальных. Эта цель становится еще яснее, когда в игру вступают политические мотивы и расчеты. Возникающие в связи с этим многочисленные вопросы остаются без ответа в калейдоскопическом мире, в котором создаются и быстро распадаются новые формы альянсов, без четкого образца или ясной цели.

Вместе с тем некоторые цели получили свою идеологическую маркировку. Так, С. Хантингтон в своей знаменитой книге указал на то, что мировые религии, прежде всего христианство и ислам, формируют основу для нового антагонизма с большим потенциалом политических и даже вооруженных конфликтов. На рубеже веков отчетливо различима эта противоположность, если не столкновение глубоко секуляризованного христианства и нового ортодоксального ислама. Многие насильственные столкновения с исламистскими силами на разных континентах сегодня затрагивают не только христианство, но и индуизм, иудаизм и т.д. [Хантингтон, 2003].

Другая перспектива интерпретации природы этого конфликта позволяет видеть в нем противостояние секулярных и фундаменталистских убеждений. Если секуляризованные общества отдают Богу Богово, а кесарю – кесарево, то фундаменталисты действуют «интегрально», т.е. исходят из того, что предписания религии должны распространяться на все сферы общественной

жизни. В то время как в секуляризованных обществах люди могут получать экономическую выгоду от мировой экономики как частные лица, фундаменталистские общества сохраняют старые формы совместного хозяйствования и господства как плату за экономические неудачи [Dahrendorf, 2006].

Эти линии расколов пересекаются с новыми политическими кливажами, содержащими в себе семена будущих конфликтов. Демократия не является неоспоримой ценностью даже для тех, кто имеет выбор. Демократия и господство права все чаще преподносятся как неоимпериалистические ценности европейского и американского происхождения. «Азия, которая может сказать нет», – это сегодня один из слоганов авторитаризма, в котором элиты гарантируют подданным благополучие в обмен на политические свободы. Как и в случае с религией, конфликт между авторитаризмом и демократией проходит не только между странами, но и внутри каждой из них. Испытания авторитаризма заметны также в Европе и в Америке, в то время как многие жители Азии верят в демократию и власть закона. «Отсюда новые битвы являются одновременно интранациональными и интернациональными, и остается открытым вопрос, кто, в конце концов, победит» [Dahrendorf, 2004, S. 241].

Когда возникли новые конфликтные фронты, повседневную жизнь начала определять еще более глубокая проблематика – аномия, дезинтеграция, распад связующих норм. Социальное исключение приобретает интернациональный радиус действия. Понятие «третий мир» до сих пор адресовалось только Африке, ставшей символом исключения, но сегодня «африканцы» есть во всех частях света. Теневая сторона глобального мира – нищета и болезни. Ученые солидарны во мнении, что и в богатых странах мира значительная часть населения потеряла контакт с рынком труда, с политической общиной, с социальным участием. Эти люди ведут нищенский и зачастую преступный образ жизни на обочине социума, и нет никаких экономических побуждений к тому, чтобы снова интегрировать их в общественную жизнь [Dahrendorf, 2003].

Международный порядок все чаще сталкивается с парадоксом: его успешность зависит от торжества глобализации, но сам этот процесс порождает политическую реакцию, которая часто идет вразрез с его устремлениями. «У менеджеров экономической глобализации мало оснований и возможностей заниматься поли-

тическими процессами, – считает Г. Киссинджер. – Еще меньше стимулов у тех, кто управляет политическими процессами: зачем рисковать имеющейся поддержкой внутри страны, приближая экономические или финансовые проблемы, сложность которых в состоянии понять разве что эксперты?» [Киссинджер, 2017, с. 479]. Справедливым дополнением к этим словам становится вывод У. Бека о том, что у глобализации не оказалось политической программы: возникает глобально дезорганизованный капитализм, но не существует никакой гегемонистской власти и никакого международного режима – ни экономического, ни политического. «Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями» [Бек, 2001, с. 10–11]. Глобализация оказалась политически неформленной: глобальный неolibерализм элиминировал политическое начало, сведя его к рыночному экономизму. Массы людей, проигравших от глобализации, не улавливаются сетью политического восприятия.

Поэтому социальный конфликт XXI в. выглядит совсем не так, как классовая борьба позапрошлого века. Возникает индивидуализированная версия старых противоборств. Если внутри стран повестку дня определяют проблемы права и порядка, то в международном плане терроризм ставит под вопрос все допущения безопасности. Это означает, что новые конфликты в своей сущности будут скорее моральными, чем экономическими: в них речь идет о ценностях, консолидирующих общества, об их благосостоянии и распределении. Люди потеряли ориентиры в этих глобальных процессах и ищут их внутри маленьких, родных общин. Тотальная открытость пробудила тотальный запрос на закрытость (Карл Поппер называл это «возвращением к родовому существованию»); отсюда новый регионализм, содержащий элементы племенного чувства.

По мнению Р. Дарендорфа, большие конфликты XX в. исчерпаны. «Описываемые в социальных категориях классовой борьбы, в экономических понятиях конфликтов между рынком и планом, в политических понятиях противоположности современных и досовременных форм правления или в международных категориях войн между первым и вторым (а возможно, и третьим) миром они больше не описывают новую реальность мира, ставшего

глобальным. Драма истории в наступившем столетии с высокой степенью вероятности найдет для себя другие темы» [Dahrendorf, 2004, S. 243]. Ими могут стать национализм и фундаментализм как технология массовой мобилизации в руках тех, кто постарается использовать их для удовлетворения собственной жажды власти.

Новые общественные расколы

Последствия глобализации вновь актуализировали вопрос о доминантном размежевании, или о новом основном конфликте XXI в. К. Маркс исходил из объективной, структурной принадлежности лиц наемного труда к «рабочему классу», объединенному условиями производства и выступавшему в политических конфликтах XIX в. как единое целое. Сегодня же не столько социальная стратификация, сколько отнесение индивидом себя к той или иной общественной группе, самоидентификация становится определяющим фактором для политической мобилизации. Перед исследователями новых линий политических конфликтов в современном обществе и, более того, новой трактовки политического встает непростая задача сочетания классических исследовательских подходов с более тонкими приемами постижения внутреннего мира человека в плане ментальных особенностей, когнитивных и символических предпочтений и т.д.

К числу приоритетных исследований подобного рода можно по праву отнести масштабный проект «Политическая социология о космополитизме и коммунитаризме», выполненный в научном Центре социальных исследований в Берлине. Проект был посвящен исследованию того, как глобализация влияет на конфликтные линии (кливажи), разделяющие современные западные общества¹.

---

¹ Руководителями проекта выступили В. Меркель, директор отдела «Демократия и демократизация», и М. Цюрн, директор отдела «Глобальное управление», научный Центр социальных исследований (Берлин). В качестве эмпирической базы принимались во внимание различные уровни политики: от национального до регионального (анализ дебатов в Европарламенте) и глобального (анализ дискуссий в Генеральной ассамблее ООН). Были исследованы различные установки, идеологии, менталитеты или хабитуальные констелляции, включая опрос элит; изучены партийные программы и высказывания в публичных дебатах, предпринят анализ содержания газет. На уровне коллективных ак-

Авторы определяют основной конфликт нашего времени как противостояние между «коммунитаристами» и «космополитами». На основе проведенного в пяти западных странах¹ масштабного и многопланового социологического исследования предпринята попытка найти ответ на вопрос: справедлив ли вывод о том, что прежний основной конфликт капитала и труда уступил место новому основному конфликту – социальному, культурному и политическому?

Первым выводом, подтвердившим изначальную гипотезу ученых, был вывод о том, что конфликт между капиталом и трудом, характеризовавший европейские общества в XX в., сегодня является далеко не единственным, и тем более – не динамическим конфликтом. Новые конфликтные линии, оставаясь отчетливо определенными в социально-экономическом плане, имеют тем не менее существенно иные социокультурные черты. Отчетливо выделяются два идеал-типических противостоящих друг другу лагеря, которые можно обозначить как «космополитов» и «коммунитаристов». Ни тот ни другой лагерь нельзя однозначно оценивать в этических категориях, но в случае формирования конфликтного раскола по какому-либо основанию мобилизация в него политических акторов происходит именно по этой дифференцирующей линии. Кроме того, дополнительно требуется идеология, снабжающая конфликт объясняющим нарративом. Иными словами, изменение в политико-экономической и общественной реальности приносит с собой новые констелляции интересов, которые выражаются в определенных идеологических или культурных мировоззрениях.

Известно, что в основании каждой новой линии расколов лежат социальные революции. Противоречие «капитал – труд» было порождено индустриальной революцией; раскол христианства на две конфессии лежал в основе религиозного конфликтного

торов, т.е. партий, институтов гражданского общества, был проведен дискурс-анализ текстов. 16 больших медиа были исследованы в цифровом формате. Получена хорошая картина того, как позиционируются в открытом публичном дискурсе отдельные партии или организации, подобные профсоюзам и церкви. В стремлении понять новые конфликтные структуры ученые попытались связать воедино различные подходы.

¹ Германия, Польша, Турция, Мексика и США – в качестве контрастного случая.

кливажа. Глобализация также принесла победителей и побежденных, хотя это разделение не стоит понимать лишь в чисто экономическом смысле. Экономическое измерение, несомненно, присутствует, неравенство возникло как внутри консолидированных западных демократий, так и в глобальном масштабе, но выявились победители и проигравшие также в культурном и политическом плане. Наложением нескольких линий расколов (экономической, политической, культурной, моральной) и объясняется нынешняя интенсивность и острота этого конфликта.

Методология выделения кливажей С. Липсета и С. Роккана, включавшая четыре основных раскола, сопровождавших процесс формирования национальных государств в Европе [Rokkan, 2000], сегодня получает другое наполнение, сообразно иным противоречиям, порожденным глобализацией.

Первая из них касается проблемы открытости общества, или в более приземленном варианте – сохранения либо обесценивания границ. Вопрос, мотивирующий и раскалывающий людей, звучит следующим образом: нужно ли контролировать границы, закрывать их или, напротив, открывать? Здесь отражается нормативное противоречие между коммунитаристской и космополитической философией. Коммунитаристы хотят контроля над границами, космополиты ориентированы на открытость. Рядом с главным вопросом появляются новые: нужно ли делегировать суверенитет европейским или международным институтам? Что важнее: национальный суверенитет и воля большинства внутри страны или права человека и права меньшинств? Показательно, что границы мыслятся не между этносами или религиями, но между политическими единствами, которые могут быть культурными, религиозными, плюралистическими и т.д.

Условный коммунитаризм в его нынешних вариациях не является однородным. Представитель философского коммунитаризма М. Уолцер исходит из того, что каждый человек, родившийся в определенной культуре, полностью в нее вовлечен, и все его нормативные убеждения культурно обусловлены [Уолцер, 1999]. А. Этциони, представляющий политический коммунитаризм, полагает, что демократия существует лишь там, где люди живут и действуют в обозримых республиканских сообществах, на основе общей политической культуры и вне зависимости от религии [Этциони, 2004].

Анализ индивидуальных позиционирований позволил немецким ученым выявить их взаимосвязь с названными нормативными предписаниями, своего рода политическими протоидеологиями, поскольку эти установки систематически сходятся в одну точку и располагаются в идейном континууме «либерализм – социализм».

Одной из самых зримых разделительных линий, обнаруженных учеными во всех пяти исследуемых странах, стала та, *что элиты склоняются преимущественно к космополитическим позициям*. При этом выявились и зависимости: чем дальше элиты или институты отдалены от прямой ответственности перед избирателями, тем очевиднее тенденция движения их к космополитической позиции (примерами могут служить Еврокомиссия или Генассамблея ООН). И наоборот, чем больше элиты подлежат прямой ответственности перед избирателями и национальными парламентами, тем больше они будут тяготеть к коммунитаристским позициям. Близость к институтам, отражающим волю большинства, т.е. к политическим партиям или парламентам, предопределяет движение к центру в вопросе «космополитизм / коммунитаризм». Вместе с тем представители немажоритарных институтов, т.е. центральных банков или конституционных судов, заметно склоняются к космополитической позиции. Такие люди готовы передать национально-государственные компетенции на уровень Евросоюза.

Иными словами, на уровне индивидуальных установок относительно *границ, торговли, прав человека, Евросоюза и изменения климата обнаруживается острый конфликт между элитами и неэлитами*. Перемещение политических компетенций и решений от партий и национальных парламентов к европейским институтам и усиление немажоритарных институтов вроде центральных банков, конституционных судов или европейских институтов с 1980-х годов облегчили определенным группам доступ к политическому участию, в то время как другие группы не получили такого доступа и чувствуют себя исключенными. *И здесь проходит политический кливаж между победителями и проигравшими от глобализации*. Многие, желавшие использовать свое избирательное право как средство оказания влияния на принимаемые решения, проиграли потому, что их избирательное право потеряло свое значение.

Таким образом, существует ясная взаимосвязь между космополитическими элитами и их привилегированной экономической и

социальной позицией. На другой стороне тенденциозно оказались нижние слои общества, проигравшие от глобализации и представляющие менее компактный лагерь. Широкие слои населения далеки от космополитических позиций, в том числе в вопросе национального суверенитета государства. При этом в лагере коммунитаристов обнаруживается много гибридных позиций (например, культурные границы открыть, но экономические – закрыть). Этот вопрос оказывается центральным, поскольку акцентирование границ можно трактовать и в гражданском, и в этническом варианте. Кроме того, понятие коммунитаризма пока не вполне ясно определено. Эмпирические наблюдения показывают, что коммунитаристские варианты очень часто и в большинстве своем идут рядом с этническим толкованием общины и тем самым – с границами. Но существует и левый коммунитаризм, определяющий нацию как гражданское сообщество людей, проживающих под защитой государства шведского образца. *Иными словами, это не только культурная, но и социально-экономическая линия конфликта.*

Вместе с тем культурные индикаторы проявляют себя сильнее экономических. Это отчетливо видно по той социальной группе, члены которой экономически относительно благополучны, однако по культурным причинам чувствуют себя некомфортно, поскольку космополитический город предъявляет к ним чрезмерные требования. На новом этапе истории реанимируется старая противоположность между городом и деревней в плане электорального поведения. Достаточно напомнить, что кандидат в президенты США от Демократической партии Х. Клинтон в 2016 г. получила свыше 80% голосов избирателей в крупных городах и существенно меньше – в американской глубинке. Этот результат нельзя объяснить только экономическими причинами: среди сторонников Х. Клинтон также немало бедных людей, но они не отдали свои голоса правому популисту и антиглобалисту Д. Трампу.

Структурные особенности современных развитых обществ и количественные показатели, полученные немецкими учеными в ходе выполнения проекта, позволяют сделать вывод, что выделенная ими генеральная линия основного конфликта нашего времени релевантна для всех стран, с учетом известной специфики последних. Более того, установки немецкого населения позволяют фиксировать обостряющийся тренд разделения общества на четыре четверти. «Старые» левые (СДПГ и партия «Новые левые»), по

данным опросов, обладают потенциалом приблизительно в 25%; у «старых» правых партий (ХДС / ХСС) примерно такая же картина. Столь же высоким видится потенциал обоих партийно-политических представительств новых конфликтных линий: зеленых как самых последовательных космополитов, и «Альтернативы для Германии» как этнического варианта коммунитаризма. Эти «четыре четверти», по мнению В. Меркеля и М. Цюрна, можно рассматривать как формулу будущей партийной системы Германии¹.

Отныне формирование немецкой политики становится более трудным делом, чем прежде, поскольку общественные кливажи принуждают политиков создавать различные коалиции, которые вряд ли окажутся стабильными. Однако есть надежда на то, что если три четверти населения занимают одинаковые позиции в рамках либеральной демократии, то последняя имеет все шансы справиться с возникшими проблемами.

Популизм как «грязный вариант» коммунитаризма

Производной таких политических тенденций становится популизм, имеющий электоральный успех в ряде европейских стран. Торжеству последнего в Польше и Венгрии способствует не только неприязнь к либеральным элитам, отождествляемым в сознании большей части населения с тяготами и невзгодами системной трансформации 1990-х годов, но и слабость левой альтернативы национально-консервативным правительствам. Левые партии во многом отказались от свойственной им классовой оптики общественных отношений и требований справедливого распределения общественных благ, что и стало главной причиной их исторического поражения. Ныне авторитарная мобилизация захватывает также и привилегированные группы, однозначно выигравшие от неолиберальных реформ последних десятилетий [Gdula, 2018]. Тем самым правящие популистские партии имеют все основания утверждать, что они не привязаны электорально к какому-либо одному классу или группе избирателей, но добиваются соединения

---

¹ Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. – 2020. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 02.05.2020)

разных интересов в рамках политического большинства [Populismus, 2006].

В стабильных западных демократиях, где правопопулистские партии заметно укрепились, но не стали частью правительственных коалиций, они опираются на существенный авторитарный потенциал, фиксируемый в этих странах еще с 1980-х годов. Не случайно эти партии повсюду достигают поддержки от 15 до 25% избирателей. Это немало с учетом возможности обретения ими правительственного портфеля.

Вместе с тем по отдельным вопросам между «коммунитаристами», выступающими объектом политической «вербовки» со стороны правопопулистских партий, нет монолитного единства. Напротив, существует сильная дифференциация, благодаря которой у правых популистов нет прочной коалиции, надежного блока. Многие недовольные избиратели, не чувствующие себя представленными ни в культурных дискурсах, ни в экономических объединениях, отворачиваются от эстаблированных партий, однако «чистый» космополит или «чистый» коммуитарист – это, скорее, идеал-типическая конструкция¹.

«Если поставить вопрос о том, сколько процентов людей высказываются против Европы, за национальный суверенитет, за сильное значение воли большинства и за контролируемые границы, и, наоборот, за открытые границы, за Европу, за либеральное ограничение демократии большинства и за определенную защиту прав меньшинств, то, подозреваю, что пропорция будет 25% на 75%, – отмечает М. Цюрн. – Эти первые 25% и есть потенциал для правового популизма»².

Однако конфликт может сильно поляризоваться, если среди коммуитаристов начнут доминировать нетолерантные правопопулистские элементы, демонстративно возводящие границу по отношению к эстаблированным политическим партиям. Вместе с тем отграничиваться от этих сил все сложнее: в ряде европейских

---

¹ Когда 80% избирателей «Альтернативы для Германии» в опросе после выборов отвечают, что не представляют себе программу этой партии и выбрали ее в качестве «черной метки», посланной другим партиям, то и другие избиратели, вероятно, занимают такие же промежуточные позиции.

² Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. – 2020. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 02.05.2020)

стран правые популисты прямо или косвенно принимают участие в формировании правительств.

Актуальной задачей становится кропотливая работа с электоратом правых популистов, отказ от высокомерия и нарциссизма, нередко демонстрируемого космополитическими элитами. Это позволило бы перетянуть на свою сторону многих избирателей, которые поддержали правопопулистские партии из чувства протеста. Вместе с тем для многих западных политиков и интеллектуалов очевидна невозможность кооперирования и создания коалиций с этими партиями, что сделало бы их жизнеспособными в среднесрочной перспективе, как это произошло с С. Курцем в Австрии или Дж. Конте в Италии. И тот факт, что самая мощная держава мира, США, сегодня управляется президентом с однозначно популистскими манерами и стратегиями, укрепляет правый популизм.

Дополнительную напряженность в уже оформившийся раскол вносит его моральное измерение: космополиты претендуют на то, что является нормативной элитой, задающей образцы «правильной» жизни в пример тем, кто живет «неправильно». Однако дело не в моральных инвективах по поводу фальшивого образа жизни, а в столкновении культур, представители одной из которых – в силу моральной дискриминации – чувствуют себя презираемыми. Как показало движение «желтых жилетов» во Франции, «невидимые» или социально игнорируемые слои общества больше не готовы добровольно играть роль покорных управляемых¹. «Люди из социальных низов изобретают новый образ политики, направленной против институциональной политики и политического истеблишмента, обрисовывая новый горизонт общности и обыденной политики, которая “дело всех”, в том числе простых и обычных людей (народ в смысле *populus*)», – пишет К. Клеман². Равнодушие к этому вызову партий истеблишмента лишает их потенциальных избирателей, поскольку подтолкнет новых «отверженных» в ряды право- или левопопулистских движений. В актуальную повестку дня встает крайне сложный вопрос: возможно ли новое объединение этих людей – в культурном, общественном, экономическом

---

¹ Клеман К. «Желтые жилеты», «ватники»: солидарность, политическое воображение и социальная критика // Новая газета. – № 134. – 29 ноября. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/29/82929-etot-mir-perevernut-s-noga-golovu-i-my-hoteli-by-vernut-ego-obratno> (дата посещения: 02.05.2020)

² Там же.

плане? Каким образом развернуть в конструктивную сторону острую чувствительность людей, ощутивших себя исключенными и непризнанными?

Запрос на возвращение политики

Ответ на эти вопросы европейские интеллектуалы ищут и находят в рамках проверенных историческим опытом принципов и процедур. Нужно обеспечить больше соревновательности, больше открытого спора в политике, в том числе в международных, европейских и немажоритарных институтах, тем более что через укрепление последних демократия теряет свою силу на национальном уровне. Опция, делающая демократию сильной, – это возможность поднять голос и сказать: «Я хочу другую политику!». «Решающей причиной для чувства исключенности является не то, что конкретные политики чего-то не могут, но то, что непонятно, как эту политику можно изменить. Возникает впечатление, что те, кто наверху, делают, что хотят. И отсюда, конечно, снова гарантированное разделение между партиями», – констатирует В. Меркель¹.

Наряду с символическим и материальным признанием должны последовать политические реформы: обеспечение доступа к реальному политическому участию, более четкие политические разграничения, более точное определение партиями своей социальной базы, своей идейной платформы и т.д. В последние десятилетия процесс демократизации развивался в либеральном духе с сильным акцентом на защиту прав меньшинств. Это безупречно с нормативной точки зрения, однако излишняя концентрация на меньшинства с отчетливо выраженным пренебрежением в адрес большинства стала серьезной ошибкой.

Народные партии должны также озаботиться тем, чтобы прекратить бессмысленную борьбу за середину, и снова вспомнить о том, что они имеют левое или правое корневое ядро. И им нужно сильнее маркировать эту дифференциацию. Иначе говоря, социал-демократы должны далее двигаться влево в экономическом плане,

---

¹ Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. – 2020. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 02.05.2020)

но в космополитических вопросах не пытаться переиграть «зеленых». На стороне коммунитаристов – отчасти низкоквалифицированные люди, прекариат, для кого общественное, материальное и символическое признание их рабочих позиций очень значимо. И это как раз область деятельности для социал-демократических партий, сильнее всего проигравших, по крайней мере в Германии, Франции, Польше и в ряде других стран. Они должны активнее работать с этими слоями. Вернуть их сегодня сложнее, чем 30 лет назад, когда общество еще не состояло из четырех четвертей. Становятся неизбежными большие коалиционные правительства из различающихся партий, обуславливающих сильное давление, принуждение к компромиссу.

В политике вновь возникает острая необходимость в компромиссах, особенно между договороспособными космополитами и неидентифицированными коммунитаристами. Одной из главных разграничительных линий между ними остается проблема миграции. Великодушие в плане предоставления убежища, свойственное современным открытым обществам, не должно приводить к полному отказу от контроля над границами. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН относительно того, что изгнание не имеет внешних границ, не означает, что нельзя противостоять сильному потоку беженцев, среди которых на политическое убежище могут претендовать не более 1%¹.

Взвешенная и аккуратная позиция относительно открытия границ должна проявляться и в экономике. Международное разделение труда в конечном счете приносит большие конкурентные преимущества в виде возможностей влиять на мировые правила экономического соперничества, получение доступа к современным технологиям и т.д., однако и в этом случае границы должны строго контролироваться. Перенесение национально-государственных суверенных прав на уровень Евросоюза разумно лишь при условии решительной демократизации последнего. Правильным решением стало бы публичное обсуждение политических вопросов как в отдельных странах, так и на уровне европейского сообщества в целом, находя для таких дискуссий новые формы и аргументы.

---

¹ *Иноземцев В.* Про правах, миграцию и ЕС // Intersection: Russia/Europe/World. – 2016. – 13 янв. – Режим доступа: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/pro-pravyh-migraciyu-i-es> (дата посещения: 02.05.2020)

Заключение

В рамках национальных государств демократия рассматривается как зрелая институциональная система, в которой возможность высказываться по поводу тех или иных решений, затрагивающих интересы людей, имеют все желающие. Но есть много вопросов, по которым национально организованная парламентская демократия позволяет высказываться не всем. При обсуждении глобальных вопросов, так или иначе затрагивающих всех, политические границы больше не помогут, а национальные решения могут оказаться неэффективными. На национальном уровне не решить проблемы изменения климата, регулирования финансовых рынков или противодействия масштабным эпидемиям. Однако вопрос о том, как грамотно распределить компетенции в принятии решений, чтобы последние достигали эффекта, укрепляли бы государство благосостояния и его налоговый базис, пока остается открытым. Институты демократии сами остро нуждаются в демократизации.

Выигравшие и проигравшие от глобализации все еще остаются как бы сидящими за разными столами. «Добиться какого-то равновесия между ними трудно хотя бы уже потому, что отсутствуют рамки общности, в которых можно было бы локализовать и урегулировать этот выходящий за границы национального государства конфликт», – отмечал У. Бек [Бек, 2001, с. 20]. Решение лежит в политической сфере: политика должна вернуть себе право формировать представление об общем благе и ориентировать общество на его достижение, отобрав лидерство у экономического глобализма и не отдавая инициативу культуре.

Список литературы

- Арбатов А.Г. Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 27–48. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.03>
- Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
- Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.

- Дарендорф Р.* Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – № 6. – С. 37–127.
- Дарендорф Р.* Тропы из утопии / пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Близнекова. – М.: Праксис, 2002. – 536 с.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 512 с. – (Геополитика).
- Уолцер М.* Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века: пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ОАО «Издательство АСТ», 2003. – 332 с.
- Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 384 с.
- Веуме К. von.* Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. – 259 S.
- Dahrendorf R.* Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fuer das 21. Jahrhundert. – München: Verlag C.H. Beck, 2003. – 157 S.
- Dahrendorf R.* Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. – München: C.H. Beck Verlag, 2004. – 350 S.
- Dahrendorf R.* Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung). – München: C.H. Beck Verlag, 2006. – 239 S.
- Gdula M.* Nowy autorytarizm. – Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018. – 112 s.
- Merkel W.* Systemtransformation. Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung. – Wiesbaden: VS Verlag für Socialwissenschaften, 2010. – 561 S.
- Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützlich Korrekтив? / Hrsg. von F. Decker. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. – 252 S.
- Rokkan S.* Staat, Nation und Demokratie in Europa. Die Theorie Stein Rokkans aus seinen gesammelten Werken rekonstruiert und eingeleitet von Peter Flora. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000. – 500 S.

A.V. Glukhova*
Political conflicts in the global era
(theoretical approach implementation)

Abstract. The paper is devoted to the main political conflict issue in the 21 st century using the «dominant demarcation» approach of K. Marx. The author of the article applies this methodological technique to the analysis of modern European societies that are in the process of globalization and were faced with new contradic-

---

* **Glukhova Alexandra**, Voronezh state university (Voronezh, Russia), e-mail: avglukhova@mail.ru

tions. The basic conflict (fundamentalism / cosmopolitan tolerance) were identified by European and American intellectuals (R. Darendorf, E. Giddens, S. Huntington) at the end of the XX century. Today, European researchers (V. Merkel, M. Tsum) found out a new cleavage, conditionally designated as a contradiction between the «cosmopolitans» and the «communitarian». This confrontation splits modern democracies along several lines: the attitude to borders, to international structures, to free trade rules, to human rights, to climate change. Relations between the population and cosmopolitan elites are also marked as a deep conflict, which is based not only on the economic dimension (losers / beneficiaries of globalization), but also on the cultural and moral dimension. The severity of the conflict is due precisely to the combination, the imposition of several lines of demarcation (economic, political, cultural and moral). The beneficiaries of this situation are predominantly populist right-wing and left-wing parties, demonstrating electoral success in a number of European countries. Tabulated parties, especially the left flank of the political spectrum (socialists, social democrats), are required to seriously rethink their strategies and tactics in order to return voters who are disappointed in their position. Overcoming the conflict without major reform of European politics at the national and subregional level seems problematic.

Keywords: globalization; political conflict; cleavage; dominant demarcation; populism; agenda; political conflictology.

For citation: Glukhova A.V. Political conflicts in the global era (theoretical approach implementation). *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 13–33. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>

References

- Arbatov A.G. Doomsday dialectics: the arms race with arms limitations. *Polis. Political studies*. 2019, N 3, P. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.03> (In Russ.)
- Beyme K von. *The political theories of the present. An introduction*. 7 th rev. ed. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992, 259 p. (In Germ.)
- Beck U. *What is globalization?* Moscow: Progress-Tradition, 2001, 304 p. (In Russ.)
- Darendorf R. Reflections on the revolution in Europe. *Put'. International Philosophical Journal*. 1994. N 6. P. 37–127. (In Russ.)
- Darendorf R. *Out of utopia*. Moscow: Praxis, 2002, 536 p. (In Russ.)
- Dahrendorf R. *On the search for a new order. A policy of freedom for the 21 st century*. Munich: Verlag C.H. Beck, 2003, 157 p. (In Germ.)
- Dahrendorf R. *The beginning of history again. From the fall of the wall to the war in Iraq. Speeches and essays*. Munich: C.H. Beck Verlag, 2004, 350 p. (In Germ.)
- Dahrendorf R. *Temptations of unfreedom (the intellectuals in times of testing)*. Munich: C.H. Beck Verlag, 2006, 239 p. (In Germ.)
- Decker F. (ed.) *Populism. Danger to democracy or a useful corrective?* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006, 252 p. (In Germ.)
- Etzioni A. *From empire to community: a new approach to international relations*. Moscow: Ladomir, 2004, 384 p. (In Russ.)

- Gdula M. *New authoritarianism*. Warsaw: Political publishing house, 2018, 112 p. (In Pol.)
- Glukhova A.V. *Political conflicts: foundations, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis)*. 2-d ed. Moscow: «LIBROCOM», 2010, 280 p. (In Russ.)
- Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. Moscow: AST Publishing house, 2003, 332 p. (In Russ.)
- Kissinger G. *World order*. Moscow: AST Publishing house, 2017, 512 p. (In Russ.)
- Merkel W. *System transformation. An introduction to the theory and empiricism of transformation research*. Wiesbaden: VS Verlag für Socialwissenschaften, 2010, 561 p. (In Germ.)
- Rokkan S. *State, Nation and democracy in Europe. Stein Rokkan's theory from his collected works is reconstructed and introduced by Peter Flora*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000, 500 p. (In Germ.)
- Walzer M. *The company of critics: social criticism and political commitment in the twentieth century*. Moscow: Idea Press, House of Intellectual Books, 1999, 360 p. (In Russ.)